рядом сравнений с разнообразным топонимическим материалом (другие ойконимы, гидронимы, микротопонимы) и топографической терминологией. Следует обратить внимание на то, что белорусский микротопоним *Глініско* относится к характерному для западнославянского, белорусского и украинского ареалов продуктивному типу Nomina loci на *-isco*. В обратном словаре к использованной автором «Мікратапанімії Беларусі» приводится 12 примеров этой модели (*Гаіско*, *Пасвіско*, *Вапніско* и др.). Существует гипотеза, что она связана своим происхождением с прилагательным на *-ьskъ*. Эту точку зрения, по-видимому, разделяет и В. П. Нерознак, поскольку он квалифицирует *Глініско* как субстантивированное прилагательное. При этом обращает на себя внимание то, что ареал распространения подавляющего большинства ойконимов на *-ьskъ* совпадает с ареалом Nomina loci на *-isko*.

Статья *Лучинъ* представляет интерес тем, что здесь автору удалось убедительно отождествить ойоним с соответствующей записью Константина Багрянородного. Выделенный из словосочетания τελιουτζαν Λιουτζαν оказался идентичным *Лучинъ*. Эта идентификация, действительно, гораздо убедительнее идентификации К. Фалька (=*Любечь*).

Заслуживают специального рассмотрения статьи *Малотинъ*, *Микулинъ* и *Пирятинъ*, в которых названия городов возводятся к соответствующим антропонимам **Малота*, *Микула*, **Пирята*. Из этих трех антропонимов только *Микула* реально засвидетельствован в берестяных грамотах. Однако **Пирята* хорошо подходит под продуктивный тип имен из берестяных грамот (*Гостята*, *Жирята* и др.), а *Малота* — под другой словообразовательный тип, имеющий параллели в антропонимике (ср. *Малота* < *малъ* и *Голота* < *голъ*).

Интересная словообразовательная модель описывается автором в статьях Межибожье и Межимостье. Обращается внимание на древнерусский перевод греч. Μεσοποταμία как *Межирѣчье*, которое сравнивается с ойконимом на Волынской земле *Межирѣчье*, а последнее — с названием города на Волынской земле *Межибожье*. Устанавливается, что *Межибожье* зафиксировано между рекой *Бужок* и *Южный Буг*. Ход рассуждения автора убедителен. К тому же, как показывает материал статьи, модель эта помимо ойконимов хорошо зафиксирована в микротопонимике.

Особый интерес, естественно, представляет словарная статья *Москва*, в которой В. П. Нерознак отказывается от рассмотрения множества маловероятных этимологических версий, лишь бегло упоминая их, и сосредоточивает свое внимание на балтийской версии В. Н. Топорова, противопоставляя ей версию об исконно славянской словообразовательной модели, лежащей в основе этого ойконима. Реконструкция В. Н. Топорова оказывается точной. Она совпадает с одной из форм, зафиксированных в летописных источниках (**Mask-uva- Москъва* в выражении *из Москъва*). Среди приводимых им западнославянских параллелей встречаются такие точные соответствия как *Moskiew*, *Moskwina*. Однако В. П. Нерознак склоняется к объяснению ойконима и соответственно гидронима *Москва* как исконно славянского по происхождению. В конечном счете решающим аргументом автора оказываются гидронимы, ряд которых зафиксирован на Украине далеко от предполагаемой прародины Голяди (семь названий реки *Московка*), что, по существу, снимает голядскую гипотезу происхождения названия Москвы.

В статье *Радощь* ойоним реконструируется как *Радогощь* <**Radogostjь* с точными параллелями в восточнославянском ареале. Словенская параллель является скорее подтверждением восточнославянской модели, ибо, как это установил в свое время Ф. Безлай, существует ряд специфических восточнославянско-словенских параллелей (среди них и к ойконимам), что, по-видимому, свидетельствует в пользу относительно поздней миграции из Припятского Полесья на территорию современной Словении (перед приходом венгров в Паннонию). Восточнославянские composita со вторым элементом *-гощь*, как показал автор рецензируемой книги, весьма продуктивны.

К числу важных находок В. П. Нерознака следует отнести соотнесение названия ряда городов *Ростовъ* через серию топонимов (в их числе название урочища *Растоў*) с белорусским топографическим термином *растоў* ‘остров посреди болота, на котором растет высокий лес’ (а через него с прилагательным *ростовъ*, восходящим в конечном счете к глаголу *расти*). Здесь мы сталкиваемся с почти идеальным построением цепочки переходов апеллятив → топографический термин → микротопоним (название урочища) → топоним → ойоним.

В словарной статье *Смоленскъ* автор обращает внимание на большое число гидронимов и микротопонимов, которые подводят нас к топографическому термину *смола* ‘черная, болотистая земля’; наглядно демонстрируемая, как гипотеза С. Роспонда о происхождении ойконима *Смоленскъ* от этого топографического термина подкрепляется былинным текстом: «Чрез те леса брынские, Чрез черны грязи смоленские». Фактически прилагательное *smolenьskъ* употребляется в этом тексте в двояком смысле: апеллятивном и ономастическом. Тем самым иллюстрируется очевидность перехода от первого ко второму, для которого была проведена соответствующая реконструкция в рассмотренной выше словарной статье *Глинескъ*.

Хотелось бы отметить еще одну особо интересную словарную статью. Мы имее-